

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486

Translation of Words with a Cultural Component (Based on the Spanish Translation of the Novel by Eugene Vodolazkin “The Aviator”)

Rafael Guzmán Tirado

University of Granada
18, Calle La Paz, Granada, Spain

Abstract

This article is dedicated to some aspects of translation of vocabulary with a cultural component (realia, idioms, metaphors, comparisons, etc.). In the frame of our Spanish translation of Evgeny Vodolazkin's novel *Aviator* are analyzed some issues of literary translation of this kind of words. This translation (first Evgeny Vodolazkin's work translated to this language), financed by a grant of the Institute of Translation in Moscow, was published in November 2018. When answering the question which instruments have the translator to make possible the transfer of words with a cultural component from one language to another and whether it is possible to convey cultural realities without losing a significant share of sense, our research shows with a rich variety of examples taken from *Aviator* that the translation text does not always create the same effect and does not always have the same emotional effect on the recipient, since vocabulary with a cultural component is closely related to the culture and language of the realities of the text culture. In the article shows some of the strategies, used by the translator to translate these words and how the cultural factor and the lack of prior knowledge create great difficulties, requiring more attention from the translator and serious operational intervention in the literary text he works with.

Keywords: *Realia, cultural component, literary translation, culture, strategies, Evgeny Vodolazkin*

For citation:

Tirado, Rafael Guzmán (2019). Translation of Words with a Cultural Component (Based on the Spanish Translation of the Novel by Eugene Vodolazkin “The Aviator”). *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 473—486. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486.

Особенности перевода художественного текста с русского языка на испанский (на материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор»)

Рафаэль Гусман Тирадо

Гранадский университет
18, Calle La Paz, Granada, Spain

Аннотация

Статья посвящена некоторым аспектам перевода лексики с культурным компонентом (реалии, идиомы, метафоры, сравнения и др.). На материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор» на испанский язык анализируются вопросы художественного перевода такого рода слов. Этот

перевод (первое произведение Евгения Водолазкина на испанском языке) был реализован при финансовой поддержке «Института перевода» (Москва) и вышел в свет в ноябре 2018 года. Отвечая на вопрос о том, какие инструменты есть у переводчика для перевода слов с культурным компонентом с одного языка на другой и можно ли передать культурные реалии, не теряя значительную долю смысла, наше исследование показывает на материале разнообразных примеров, взятых из романа «Авиатор», что в переводе для читателя-инофона не всегда сохраняется тот эмоциональный эффект, который чувствует русскоязычный читатель романа, поскольку лексика с культурным компонентом тесно связана с культурой и языком оригинального текста. В статье показаны некоторые стратегии, используемые переводчиком для перевода этих слов, а также то, как культурный фактор и отсутствие предварительных знаний создают большие трудности переводчику, требующие большего внимания с его стороны к культурологическому аспекту перевода и серьезного оперативного вмешательства в литературный текст, с которым он работает.

Ключевые слова: *реалии, культурный компонент, художественный перевод, культура, стратегии, Евгений Водолазкин*

Для цитирования:

Рафаэль Гусман Тирадо. Особенности перевода художественного текста с русского языка на испанский (на материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 2. С. 473—486. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486.

1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время культурные элементы стали предметом исследований различных языковых дисциплин (сравнительная лингвистика, этнолингвистика, теория межкультурной коммуникации и т.д.). Понятие «культура» также имеет важное значение для переводоведения, так как очевидны отношения между культурой и переводом, следовательно, культурные аспекты вызывают растущий интерес в области перевода (Franco Aixelá 1996; Lvovskaya 1997; Molina Martínez 2006; Luque Nadal 2009; Olalla Soler, Hurtado Albir 2013; Kurbakova, Borishanskaya 2013; Iakovleva 2013; Lilikovich 2013; Dudik 2014; Chesnokova, Talavera-Ibarra 2015; Cranmer 2015; Guzmán Tirado, Grechukhina 2015; Sokolova 2015; Sokolova, Guzmán Tirado 2016; Tassenko, Nelyubova, Ershov 2016; Paputsevich 2018).

Несомненно, существует тесная связь между языком и корнями национальной культуры. Известно, что значение, которое определенное общество придает тем или иным явлениям действительности, находит свое отражение в языке. Изобилие или дефицит семантических различий отражают интересы, потребности и чувства сообщества для определенной сферы реальности: известны такие примеры, как различия между разными оттенками белого цвета в исландском языке, более семидесяти видов снега в Гренландии, различные вариации слова «орех» на хинди, существование двух различных слов для дяди со стороны матери и отца в арабском языке, разнообразная лексика для описания особенностей племени пайюты (индейский этнический народ), тридцать семь различных слов для обозначения «героя» или «князя» и дюжина слов для обозначения «битвы», которые появляются в англосаксонской эпической поэме «Беовульф» (Casado Velarde в Molina Martínez, 2006: 27).

В силу очевидности особых отношений между культурой и переводом вопрос переводимости лексики с культурным компонентом имеет важное значение для

переводоведения и является предметом продолжающихся дебатов в области взаимодействия культуры и перевода. То, что переводится с одного языка на другой, — это текст, который принадлежит к определенной культурной системе и социально-исторической среде, поэтому знакомство с культурными, социальными и историческими реалиями данного языка является необходимым условием для переводчика. Процесс коммуникации на другом языке требует не только владения определенными языковыми и грамматическими знаниями, но и знакомства с культурой языка текста, ведь значение, которое определенное общество придает тем или иным явлениям действительности, всегда находит свое отражение в языке. Как отмечает А. Уртадо, «выучить язык означает знать социальную и культурную реальность, которая скрывается за словами» (Hurtado 1996: 12).

Переводчик, словно посредник, должен иметь глубокие знания об обеих культурах, чтобы устранить препятствия, неизбежно возникающие в процессе работы над художественным текстом, так как в противном случае результатом его работы будут лишь мертвые тексты или бессмысленные слова и выражения, в то время как миссия переводчика — передавать идеи, мысли и образы, давать новую жизнь тексту оригинала.

При переводе лексики с культурным компонентом экстралингвистические знания более важны, чем простое знание языка текста и перевода. Как писал М. Снелл-Хорнби, перевод реализуется не между языками, а между культурами, так что переводчик должен быть не только двуязычным, но и «двукультурным» (Snell-Hornby 1988: 46). С этой точки зрения он не стремится интерпретировать переведенный текст как изолированную сущность (переводчик решил, что и как переводить), а, скорее, перевод будет зависеть от социально-культурных и исторических надындивидуальных факторов, характерных для целевой культуры: «социальные нормы и литературные конвенции целевой культуры (целевая система) управляют эстетическими предпосылками переводчика и влияют на его решения» (Folica 2008: 87). В этой связи теории перевода задают себе три типа вопросов, которые напрямую связаны с темой нашей работы:

Почему переводится?

Зачем переводится?

Кому переводится?

В ответ на это можно сказать, что переводится, потому что языки и культуры различны, причина существования самого перевода — языковые и культурные различия.

Переводится, чтобы сообщать, чтобы прорваться через изоляцию из-за языковых и культурных различий. Перевод имеет, таким образом, коммуникативную цель.

Переводчик, за очень редким исключением, не переводит для себя, но он переводит получателю, тому, кто нуждается в нем как языковом и культурном посреднике. Переводится для тех, кто не знает язык и обычно культуру определенного текста (письменного, устного или визуального).

Как отмечает А. Уртадо, перевод основывается на четырех ключевых моментах:

1 — причина существования самого перевода — различия между языками и культурами;

2 — перевод имеет коммуникативную цель;

3 — перевод направлен получателю, который нуждается в переводе, так как не знает язык и культуру, в которой исходный текст сформулирован;

4 — перевод обусловлен преследуемыми целями, и эти цели варьируются в зависимости от случая (Hurtado 2001: 28—29).

Таким образом, переводчик должен принять это во внимание и передавать вместе с языком культурные и социальные факты, поэтому язык уже не является просто системой связи, а становится объектом и средством культуры.

Известно, что нормы и правила переводов меняются в зависимости от времени, пространства и влияния харизматических личностей в обществе. Как отмечает М. Касадо Веларде, «Социальная жизнь, культура, политическая ситуация, цивилизация, технологическое развитие, табу и т.д. обуславливают, в неравной мере, типы дискурса, которые имеются в определенном сообществе» (Casado Velarde 1978: 98).

Что касается перевода лексики с культурным компонентом, то необходимо отметить, что культурные фрагменты, которые мы встречаем в тексте перевода, являются в первую очередь языковыми единицами, в формировании которых участвуют другие экстралингвистические факторы, такие, как история, вероисповедание, социология, знания, идеи, убеждения, литература и т.д., влияющие на языковое выражение, вот почему «переводчикам необходимы не только языковые компетенции, но и экстралингвистические компетенции» (Casado Velarde 1991: 42).

Эти фрагменты представляют некоторые проблемы переводчика, сначала для понимания и потом для перевода. Они обусловлены в значительной степени экстралингвистическими факторами, в основном связанными с исходной культурой, которую переводчик должен в дальнейшем адаптировать с учетом целевой культуры. Буквальный перевод может придать слову ложное значение или в результате привести к бессмысленным предложениям, хотя и грамматически правильным, поэтому мы можем сказать, что буквальный перевод недопустим для этих типов текстов. Практически во всех текстах, где сильны культурные реалии, автоматически возникают трудности в понимании и, следовательно, в переводе. Таким образом, необходимо понимание смысла оригинала, чтобы затем найти перевод в целевом языке.

В культурном переводе экстралингвистические знания более важны, чем простое знание языка исходного или целевого, то есть переводчик должен иметь хороший культурный фон, а затем некоторые хорошие навыки дедукции и связи коммуникатора конкуренции, как указывает Н. Буено дель Ромо (Bueno del Romo 2006: 313).

Важность культурного аспекта перевода, т.е. трудности при переводе лексики с культурным компонентом, отмечают многие специалисты, подчеркивая, что каждый текст укоренен в своей национальной культуре и имеет определенную функцию и свою цель. В Испании известны работы таких ученых, как J.C. Santoyo (1989), R. Mayoral Asensio (1999/2000), S. Gamero (2005). За рубежом известны такие представители русской школы, как А. Neubert (1973), G. Nielsch (1981),

A.V. Fedorov (1983), R. Leppihalme (1997), B. Nedergaard-Larsen (1999), T.A. Kazakova (2001), V.N. Komissarov (2001), V.S. Vinogradov (2001). R. Leppihalme, например, в своей книге “Culture bumps” подчеркивает важность культурного аспекта перевода, и приводит метафору, иллюстрирующую переводческий процесс: <...> «Исследователь и современный переводчик приближаются к тексту, как если бы они находились в вертолете: сначала обнаруживают культурный контекст, потом ситуационный контекст и, наконец, сам текст» (Leppihalme, 1997: 03). Д. Нойберт и Г.М. Шреве пишут в своих работах, что контекст, в котором переведены тексты, является неполным без учета культурного фактора (Neubert, Shreve 1992: 203—205).

При сравнении языков и культур обнаруживаются не только элементы, которые совпадают, но и другие, которые не совпадают. Чем больше сравниваемые народы и культуры и чем меньше контактов они имели на протяжении своей истории, тем больше они отличаются и тем меньше обнаруживается точек соприкосновения между ними (Tomahin, 1988). Очевидно, чем больше международных контактов между двумя культурами, тем выше степень переводимости: растёт количество культурных ссылок, которые требуют все меньше и меньше манипуляций переводчика, чтобы сделать их приемлемыми в целевой культуре. Имеет место четкий процесс постепенного признания его значения и признания его культурой конкретной реальности, которая устанавливает определенные стратегии перевода (Franco Aixela, 1996: 54—55).

Как переводчик должен относиться к социально-культурным и поведенческим различиям, которые отражаются в языке?

Любой перевод требует принятия решения о выборе приема перед анализом языковых и экстралингвистических факторов, имеющих свое отражение в тексте, чтобы затем применить при переводе то, что согласно смысловому содержанию является наиболее целесообразным. Только тогда перевод может способствовать взаимопониманию различных культур и может быть инструментом распространения знаний и обнаружения их различий или, наоборот, инструментом отрицания культурной специфики.

При переводе культурных реалий художественных текстов необходимо различать две возможные тенденции: доместикация против форенизации, согласно терминологии известного теоретика перевода Л. Венути. Доместикация является этноцентрическим сокращением иностранного текста по отношению к культурным ценностям, ведущего автора к этой культуре. Форенизация — отклонение от этих значений для установления языковых и культурных различий иностранного текста, принимаемых читателем в другой культуре (Venuti 1995: 17—20).

В процессе перевода художественного текста отношения между автором, переводчиком и читателем могут быть разными, хотя было бы идеально, если бы переводчик сохранил ту же близость между автором (исходного текста) и читателем (конечного продукта). Однако в действительности всегда бывают нерегулярные колебания в пользу автора или читателя.

2. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА: ПЕРЕВОД ЛЕКСИКИ С КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В РОМАНЕ «АВИАТОР»

В данной работе на материале перевода на испанский язык романа Евгения Водолазкина «Авиатор» (Vodolazkin, 2018) мы рассмотрим некоторые вопросы художественного перевода, связанные с переводом лексики с культурным компонентом (реалии, фразеологизмы, метафоры, сравнения, просторечия и т.п.). Осуществленный нами перевод романа на испанский язык, состоявшийся благодаря гранту Института перевода в Москве, увидел свет в ноябре 2018 года.

Хотя Евгений Водолазкин хорошо известен в России и за рубежом, позволим себе сказать несколько слов об этом современном писателе. Евгений Водолазкин — прозаик, филолог, автор бестселлера «Лавр». В России его называют «русским Умберто Эко», в Америке — после выхода «Лавра» на английском — «русским Маркесом». Произведения Евгения Водолазкина переведены более чем на двадцать иностранных языков. На испанский язык роман «Авиатор» был переведен впервые, что позволит, по нашему мнению, заполнить некую лауну, существующую в сфере переводов произведений этого писателя на испанский язык. Поскольку на испанском языке говорят более 500 миллионов человек на планете, публикация этого романа на испанском может стать резонансным явлением в мире переводной зарубежной литературы. В индексе лучших российских писателей, опубликованном «Russia Beyond the Headlines» в 2017 году, Евгений Водолазкин занимает 25-е место — это самый высокий показатель среди живых авторов.

Тема нашего исследования довольно обширна, однако мы ограничимся лишь некоторыми аспектами перевода данной лексики и анализом стратегий, использованных нами для успешной передачи оригинала, и анализом некоторых проблем, с которыми мы столкнулись в процессе перевода.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие все вышесказанное на материале «Авиатора».

Проза Евгения Водолазкина в указанном произведении отличается, по нашему мнению, блестящими описаниями, как отмечает сам герой романа, событий не важных, а обыкновенных.

- (1) ...Нет смысла писать о каких-то крупных событиях — о них она и так узнает. Описания должны касаться чего-то такого, что не занимает места в истории, но остается в сердце навсегда. (Водолазкин 2017: 336)
- ...No tiene sentido escribir acerca de los grandes acontecimientos históricos, porque ella los puede conocer sin mí. Las descripciones deben referirse a algo que no ocupa espacio en la historia, pero que permanece en el corazón para siempre.

Другой пример:

- (2) 1958-й. Летнее утро на Фонтанке. Солнце, ударившись об оконные стекла, под острым углом летит в реку. Дворник в белом фартуке поливает из шланга гранит набережной. Нажимая на наконечник шланга пальцем, он увеличивает давление, и вода с шипением шлифует розовую зерненную поверхность. Работа дворника не так проста, как может показаться, и не так безопасна. Дворник отпускает наконечник и отсутствующе смотрит на красный палец. Затем — на воду и ее безвольное течение. Качает головой.

Вновь нажимает на наконечник и теперь уже поливает, не отвлекаясь. С тротуара переводит струю на гранитный парапет, дальше — на орнамент решетки. Металл преобразует струю в миллионы брызг, и на солнце они превращаются в радугу. (Водолазкин 2017: 383)

Año 1958. Una mañana de verano en el canal Fontanka. El sol, tras golpear los cristales de las ventanas, se refleja en el río formando un ángulo. Un barrendero con delantal blanco riega con la manguera el granito del embarcadero. Al presionar el extremo de la manguera con el dedo, aumenta la presión y el agua pule la superficie granulada del granito rosa. El trabajo de barrendero no es tan simple ni tan seguro como podría parecer. Primero baja la manguera, se mira su dedo rojo y después observa, insatisfecho, el chorro flácido. Presiona el extremo de la manguera de nuevo y desde la acera manda, primero al muro de granito y después al enrejado, el chorro de agua que se convierte en millones de gotas que dibujan al sol un arco iris.

Следует отметить, что в произведениях Евгения Водолазкина доминирует эмоционально-экспрессивный стиль, который отличается экспрессией, сочетающейся с абстрагированием, отвлеченностью чувств. Что касается романа «Авиатор», то это произведение насыщено авторскими философско-нравственными изречениями, вызывающими устойчивые ассоциации с традицией Льва Толстого:

- (3) При жизни человека ничего невозможного нет — невозможность наступает только со смертью. Да и то не обязательно. (Водолазкин 2017: 184)
Durante la vida de una persona no hay nada imposible, la imposibilidad comienza solamente con la muerte. Y no necesariamente.
- (4) Опасность обостряет восприятие красоты. (Водолазкин 2017: 401)
El peligro agudiza la percepción de la belleza.
- (5) Все на свете когда-то уже было... (Водолазкин 2017: 177)
En el mundo ya ha ocurrido todo alguna vez...
- (6) Она не помещалась в голове и была страшна, потому что потеря всякого человека и всякой вещи является частью смерти. Которая есть потеря всего. (Водолазкин 2017: 313)
No me cabía en la cabeza y me parecía que era terrible, porque la pérdida de cualquier persona o de cualquier cosa constituye una parte de la muerte que es la pérdida de todo.
- (7) Рай — это отсутствие времени. (Водолазкин 2017: 164)
El paraíso es la ausencia de tiempo.
- (8) Я ведь даже имени ее не узнал. Не хотел? У тайны, считал, не может быть имени? (Водолазкин 2017: 255)
Ni siquiera conocía su nombre. ¿Puede ser que no quisiera conocerlo? ¿Puede ser que los misterios no tengan nombre?

Довольно часто у автора встречаются философские рассуждения о России, о ее прошлом и настоящем:

- (9) А в русской жизни исключение — правило, только Гейгер этого не понимает. Или, вернее, не принимает. (Водолазкин 2017: 232)
Pero en la vida rusa, la excepción se convierte en una regla, solo que Geiger esto no lo entiende. O, mejor dicho, no lo acepta.

В принципе и та, и другая особенность не составляют для переводчика особой трудности, если не учитывать эмоционально-экспрессивный стиль данных фрагментов.

При переводе «Авиатора» мы использовали разные стратегии перевода лексики с культурным компонентом: реалии, фразеологизмы, сравнения, метафоры и т.п. Все указанные слова отличаются высокой степенью культурной специфики, которая укоренилась в культуре текста и которая приносит переводчикам много трудностей. Чем выше степень культурной специфики реалии, тем больше вмешательство переводчика в художественный текст.

Говоря об «Авиаторе», можно отметить, что анализ приемов, используемых для перевода лексики с культурным компонентом, показывает, что на самом деле культурные элементы, более встроенные в культуру и в язык текста, передаются в большинстве случаев путем приема адаптации, которая включает в себя большее вмешательство со стороны переводчика, она ориентирована на тенденцию доместикации. Буквальный перевод, ориентированный на форенизацию, используется, как и было сказано, гораздо реже. Мы сталкивались с разными типами адаптаций и стратегий перевода:

1. Довольно частым решением переводчика является просто транслитерация реалии: *samovar, papirrosa, verstá*. Содержание реалии объясняется с помощью ссылки. Например:

(10) Но отцовские пальцы на шее вполне явственно двигались, а кипяток из самовара тек, и от него поднимался пар. (Водолазкин 2017: 71)

Sin embargo, yo veía claramente cómo los dedos de mi padre se movían en el cuello, cómo fluía el agua hirviendo del samovar y cómo salía vapor de él.

В данном случае учитывая, что слово «самовар» довольно известно уже за пределами России, мы решили просто транслитерировать, а не переводить его. Кроме этого мы добавили ссылку с объяснением, для тех читателей, которые не знакомы с этим компонентом русской действительности:

N.T.: Recipiente metálico en forma de cafetera alta, dotado de una chimenea interior y una resistencia. Sirve para hacer té. Antiguamente funcionaban con ascuas o carbón, ahora son eléctricos. El samovar se ha convertido en un icono de la cultura rusa del té.

Огромное количество российских и советских реалий абсолютно неизвестны испанской публике и требуют большего вмешательства со стороны переводчика для преодоления препятствий, создаваемых культурной дистанцией:

(11) Платонов (взгляд поверх пенсне), когда в корнях слов пишется ять? (Водолазкин 2017: 292)

Platónov, ¿cuándo se escribe yat' en las raíces de las palabras?

В данном случае мы также добавили ссылку с объяснением:

N.T.: *Yat' o Jat' (Ъ, ъ)* es una letra del antiguo alfabeto cirílico. Fue eliminada del alfabeto ruso, tras la reforma ortográfica de 1918.

Ту же стратегию пришлось применить и в следующем примере:

(12) И хотя пить самогон с Остапчуком было не ахти какой радостью, я выразил и то, и другое. (Водолазкин 2017: 158)

A pesar de que beber vodka casera con Ostapchuk no era, que digamos, una alegría, acepté.

N.T.: Se elabora en casa a través de destilación con ayuda de aparatos especiales. Se obtiene de la fermentación del azúcar, cereales, patatas, remolacha, frutas u otros productos que contienen azúcar. En Rusia es conocida popularmente con el nombre de samogón.

В переводе некоторых реалий вполне возможно и употребление эквивалентов, уже существующих в испанском языке:

- (13) — Берите оливье. Вот селедка под шубой. (Водолазкин 2017: 391)
— Póngase ensaladilla rusa. Ahí tiene el arenque en su abrigo de piel.

Для первого блюда есть эквивалент в испанском: *ensaladilla rusa*, но второе при таком экзотическом названии пришлось объяснять с помощью ссылки для испаноговорящего читателя.

2. В других случаях адаптация касается просто картины мира или обычаев: как на одно и то же явление по-разному смотрят в каждой культуре. Например, по-русски говорят:

- (14) Чем же я все-таки болею? Доктор, я буду жить? (Водолазкин 2017: 14)

Но на испанском языке эта фраза звучит по-другому:

— Doctor, ¿pero qué es lo que tengo exactamente? ¿Me voy a morir? ¿Qué día del mes es hoy?

- (15) — Воронина Анастасия Сергеевна в какой палате? (Водолазкин 2017: 169)
— ¿En qué habitación se encuentra Vorónina Anastasía?

- (16) Чай осенью на открытой веранде. Сапогом раздувают тлеющие угли. Сапог мягкий, как гармошка. И чистый — иначе как же таким будешь что-то раздувать на столе. (Водолазкин 2017: 364)

Me imagino una tarde de otoño tomando el té en el porche, al aire libre. Aventando las brasas con una bota. Es una bota suave como un acordeón.

3. При адаптации необходимо и учитывать стиль речи, то есть не заменять разговорную речь неразговорной и наоборот:

- (17) Бутылку с недопитым вином вынес на помойку — получается, напрасно Сева ее слямзил. (Водолазкин 2017: 88)

La botella con el vino que quedaba la tiré a la basura, no había tenido mucho sentido que Seva la birlara.

- (18) Приподняв полу сюртука, показывает торчащее из кармана брюк горлышко бутылки.
— Имеется «мерзавчик». (Водолазкин 2017: 45)

Тут пришлось заменить авторский пример испанской реалией.

Al levantarse un poco el faldón de la levita, queda al descubierto el cuello de una botella que asoma del bolsillo de los pantalones.

— Aquí tengo “combustible”.

4. Бывают случаи, когда реалию адаптировать невозможно. Причины для этого могут быть разные. В таких случаях перевод игнорируется, при небольшой потере смысла оригинала, если в испанском нет соответствующей ассоциации и невозможно ее создать. К примеру, в испанском языке слово «la tele» (телек) не ассоциируется «с чем-то телячьим», то есть со словом «теленок» как, например, в данном фрагменте:

(19) — Говорите телек, — ответил он.

Есть в этом что-то телячье, я еще подумаю, стоит ли мне так говорить. (Водолазкин 2017: 76)

— Pues diga tele —respondió.

No me gusta cómo suena, pensaré si me merece la pena decirlo.

(20) Ехать в Эмск от души не хочу. Одно дело с ребенком в животе проехать в Смольный, а другое — стоять на чужбине в пробках. (Водолазкин 2017: 265)

No tengo ningunas ganas de ir a Moscú. Una cosa es con el niño en el vientre ir a dar una vuelta por Smólny y otra, estar metida en un embotellamiento en la capital.

В данном случае аббревиатуру Эмск пришлось проигнорировать из-за невозможности адекватного перевода на испанский язык, при этом необходимо констатировать небольшую потерю смысла оригинального текста. Происхождение аббревиатуры Эмск связано с сокращением названий городов в разговорном стиле русского языка: «МСК» (Москва) и «СПБ» (Санкт-Петербург). Для разговорного стиля характерно выражение: «я в Эспбэ сейчас», также в Санкт-Петербурге есть сеть баров «СПБ», а в Москве — некоторые движения, например «Чтецы. МСК». Данные аббревиатуры широко используются в русскоязычном Интернете.

(21) Кадр с вертолета: в сторону аэропорта по шоссе движется колонна карет скорой помощи. В полукилометре за ней — другая.

Подумал вдруг: какое у них старинное название — кареты. Сохранилось среди всех потерь. (Водолазкин 2017: 407)

Se ve una toma desde el helicóptero: hacia el aeropuerto, por la carretera avanza una columna de ambulancias. A medio kilómetro de ella, otra.

Перевод фразеологизмов, сравнений, метафор и идиом также имеет свою специфику. Сложность их перевода связана с тем, что они формируются убеждениями и взглядами конкретной культуры. Возможны различные варианты:

1. Русский фразеологизм имеет эквивалент в испанском языке:

(22) Но хоть убей — не помню, кто именно какие слова произносил. И — где. (Водолазкин 2017: 17)

Pero, que me maten si recuerdo exactamente quién dijo cada cosa y dónde.

2. Русский фразеологизм не имеет эквивалента в испанском. Тогда требуется серьезное вмешательство переводчика, который должен выразить смысл фразеологизма подходящими словами:

(23) В такой бюрократической стране, как Россия, нужно всегда быть готовым доказать, что ты не верблюд. (Водолазкин 2017: 278)

En un país tan burocrático como Rusia es preciso siempre estar preparado para demostrar que estás libre de culpa.

(24) Самочувствие у меня в последние дни полулукс. (Водолазкин 2017: 280)

¡Mi estado de ánimo en los últimos días no está para tirar cohetes!

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в процессе перевода романа Евгения Водолазкина на испанский язык мы пришли к следующему заключению: при переводе такого типа текстов, включающих лексику с культурным компонентом, важно сохранить исходный смысл реалий, потому что реалия основана на реальности одной страны, одного языка или одной культуры. Вообще в процессе перевода «Авиатора» Евгения Водолазкина на испанский язык мы редко прибегали к стратегии заимствования. Частое использование заимствования потребовало бы многочисленных комментариев переводчика, что помешало бы свободному чтению.

При переводе слов, особенно культурно маркированных, наиболее часто используется адаптация. Подобное предпочтение адаптации является логичным, так как реалии, сравнения, фразеологизмы и идиомы связаны с понятиями исходной культуры, которые не лексикализованы в языке перевода. Во многих случаях есть эквивалент, оставляющий то же самое образное значение выражения оригинала, которое использует переводчик для сохранения особенностей двух культур.

Буквальный перевод употребляется реже, потому что это всегда влечет за собой некоторую потерю исходного смысла культурных реалий, что в свою очередь приводит к стилистической потере.

Анализ приемов, используемых для перевода всего корпуса реалий, встречающихся в романе Евгения Водолазкина, позволяет определить, по крайней мере, некоторые важные стратегии, к которым мы прибегали при переводе исходного текста. Большинство из стратегий, используемых в нашем переводе, характеризуются их приближением к читателю перевода (доместикация), и это оправдано, так как его цель — воспроизвести свободный стиль «Авиатора», сократить присутствие иностранных черт в тексте перевода для облегчения чтения и сохранения эффекта исходного текста. Подобное решение также объясняется большим количеством реалий, имеющих глубокие корни в культуре и языке текста, которые могут быть заменены другими, характеризующимися тем же эффектом в культуре перевода.

Выводы

1. Для переводчика особую важность приобретает адекватный перевод культурных реалий, встречающихся в исходном тексте, так как переводчик должен передать не только семантическое, но и коннотативное значение реалии, то есть ее национальный и исторический колорит.

2. Пространственное и временное расстояние между культурными фонами исходного текста и читателем перевода влияет на выбор приемов перевода.

3. Переводчик должен суметь передать, хотя бы и с некоторыми потерями, литературный стиль автора, прагматический эффект его произведения, а также колорит исторического и культурного контекста, в данном случае столь отдаленного от испанской реальности.

4. Хотя перевод высоко культурно-маркированных текстов неизбежно влечет за собой потерю информации, правильный выбор приемов перевода может помочь переводчику сделать так, чтобы эта потеря была как можно менее существенной.

5. При ответе на вопрос, можно ли передать культурные реалии без потери значительной доли смысла, полученные данные показывают, что текст перевода не всегда создает тот же эффект и не всегда оказывает то же самое эмоциональное влияние на получателя. Перлокуция теряется, во-первых, при переводе фразеологизмов и идиом, так как эти элементы тесно связаны с культурой и языком реалий культуры текста. В этом случае культурный фактор и отсутствие фоновых знаний создают большие трудности и требуют от переводчика пристального внимания.

© Рафаэль Гусман Тирадо, 2019

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Bueno del Romo, N. (2006). Estrategias de traducción de las expresiones idiomáticas desde un punto de vista multicultural. In B. García / P. Martino Alba (eds.). *Traducción y Multiculturalidad*. Madrid: Instituto Universitario de Lenguas Modernas y Traductores.
- Casado Velarde, M. (1978). *Lengua e ideología: estudio de Diario libre*. Pamplona: Universidad de Navarra.
- Casado Velarde, M. (1991). *Lenguaje y cultura*. Madrid: Síntesis.
- Chesnokova, O.S., Talavera-Ibarra P.L. (2015). Mikhail Lermontov's "The Demon": Reverse Translation as a Source of Intertextuality. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 166—179.
- Cranmer, R. (2015). Introducing Intercultural Communication into the Teaching of Translation. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 155—174.
- Dudik, N.A. (2014). Addressing the Problem of Translatability when Translating the Russian Fiction Text into English ("Vanka" by A. Chekov). *Russian Journal of Linguistics*, 3, 140—155.
- Fólica, L.V. (2008). Suplementos culturales: (In) visibilidad de la traducción. In *La Traducción hacia un encuentro de lenguas y culturas*. Córdoba: Comunicarte.
- Franco Aixelá, J. (1996). Culture-specific Items in Translation. In Álvarez, R. y Vidal Claramonte, M.C. (eds.) *Translation, Power, Subversion*. Clevedon/Filadelfia/Adelaida: Multilingual Matters.
- Gamero Pérez, S. (2005). *Traducción alemán-español: Aprendizaje activo de destrezas básicas*. Castellón: Universitat Jaume I.
- Fedorov, A.B. (1983). *Osnovy obschei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Guzmán Tirado, R., Grechukhina, V. (2015). O khudozhestvennom perevode léksiki s kul'túrnym komponéntom (na materiale rasskazov A. Avérchenko). In Livergant, A.Ja., Sid, I.O. (eds.). *Miry literaturnogo perevoda*. Moscow, 36—43.
- Hurtado Albir, A. (1996). *La enseñanza de la traducción directa "general": objetivos de aprendizaje y metodología*. Castellón: Universitat Jaume I.
- Hurtado Albir, A. (2001). *Traducción y traductología. Introducción a la traductología*. Madrid: Cátedra.
- Kazakova, T.A. (2001). *Prakticheskie osnovy perevoda*. Sankt-Peterburg: Soyuz. (In Russ.).
- Komissarov, V.N. (2001). *Sovremennoe perevodovedenie*. Moskva: ETS. (In Russ.).

- Kurbakova M.A., Borishanskaya M.M. (2013). Some variants of translating Russian realia into the western culture (on the materials of English newspapers). *Russian Journal of Linguistics*, 4, 24—31. (In Russ.).
- Iakovleva, S.A. (2013). Aspectos teóricos y prácticos de la traducción del léxico culturalmente relevante del español de México a la lengua rusa. *Cuadernos de Rusística Española*, 9, 159—177.
- Leppihalme, R. (1997). *Culture Bumps: An Empirical Approach to the Translation of Allusions*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Lilikovich, O.S. (2013). Analysis of Spanish realia in the novel of E. Mendoza “No word from gurb”. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 105—112.
- Luque Nadal, L. (2009). *Los culturemas: ¿unidades lingüísticas, ideológicas o culturales?* Universidad de Córdoba: Language Design.
- Lvovskaya, Z. (1997). *Problemas actuales de la traducción*. Granada: Lingüística y Método Ediciones.
- Mayoral Asensio, R. (1999/2000). *La traducción de referencias culturales*. Sendebarr, Universidad de Granada. http://www.ugr.es/~rasensio/docs/Referencias_culturales.pdf.
- Molina Martínez, L. (2006). *El otoño del pingüino: Análisis descriptivo de la traducción de los culturemas*. Universitat Jaume I.
- Nedergaard-Larsen, B. (1992). TV-tekster: Oversættelse efter mål, Kulturbundne problemer ved tekstning. In Werner Díaz Navarrete, M. (2010). *Un estudio traductológico de los referentes culturales extralingüísticos en la subtitulación. Ejemplificados en la serie de televisión “Cuéntame cómo pasó”*. Copenhagen.
- Neubert, A. (1973). Name und Übersetzung. Der Name in Sprache und Gesellschaft: Beiträge zur Onomastik. In Mayoral Asensio, R. (1999/2000). *La traducción de referencias culturales*. Sendebarr. Universidad de Granada. <http://www.ugr.es/~rasensio/docs/Referencias_culturales.pdf>.
- Neubert, A., Shreve, G. M. (1992). *Translation as Text*. Kent (Ohio): The Kent State University Press.
- Niensch, G. (1981). Spezifische Bezeichnungen, Realienbezeichnungen. *Fremdsprachen*, 25, 3.
- Olalla Soler, C., Hurtado Albir, A. (2013). Estudio empírico de la traducción de los culturemas según el grado de adquisición de la competencia traductora. Un estudio exploratorio. *Sendebarr*, 24, 9—38.
- Paputsevich, V. (2018). Rendering Lexical Units with Cultural Reference in the Narrative “Obelisk” by V. Bykov from Belarusian into Russian. *Cuadernos de Rusística Española*, 14, 175—186.
- Santoyo, J.C. (1989). *El delito de traducir*. León: Servicio de Publicaciones de la Universidad de León.
- Snell-hornby, M. (ed.) (1988). *Translation Studies. An Integrated Approach*. Amsterdam / Filadelfia: John Benjamins.
- Sokolova, L., Guzmán Tirado, R. (2016). Sobre las peculiaridades de la traducción al español de los “nombres parlantes” en las obras de N.V. Gógol. *Sendebarr*, 27, 163—180.
- Sokolova A.V. (2015). Translation of Onomatopoeic Component in Onomastics. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 132—142.
- Tasenko P.S., Nelyubova N.Y., Ershov V.I. (2016). Adaptation Technique in the Translation of Literary Texts (as Exemplified in the Translation of French and English Literary Texts). *Russian Journal of Linguistics*, 20 (2), 128—141.
- Tomahin, G. D. (1988). *Realii — Amerikanismy. Posobie po stranovedeniyu*. Moskva: Vysshaya Shkola perevoda. <http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/tomahin.shtml>.
- Venuti, L. (1995). *The Translator’s Invisibility. A history of translation*. London: Routledge.
- Vinogradov, V.S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie*. Moskva: IOSO RAO.
- Vodolazkin, E. (2018). *El aviador*. Madrid: Rubiños.

Article history:

Received: 18 February 2019

Revised: 21 March 2019

Accepted: 25 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 февраля 2019

Дата принятия к печати: 15 марта 2019

Bionote:

RAFAEL GUZMAN TIRADO, Professor of Slavic Philology, Department of Slavic and Greek Philology, University of Granada. *Research interests:* legal, literary and economic translation, typology of Russian and Spanish languages, morphology and syntax of the Russian language, methods of teaching Russian language, caucasology.

Contact information: e-mail: rguzman@ugr.es

Сведения об авторе:

РАФАЭЛЬ ГУСМАН ТИРАДО, профессор по славянской филологии, кафедра славянской и греческой филологии Гранадского университета. *Сфера научных интересов:* юридический, художественный и экономический перевод, типология русского и испанского языков, морфология и синтаксис русского языка, методика преподавания русского языка, кавказология.

Контактная информация: e-mail: rguzman@ugr.es